

и археологические открытия, сделанные в сер. — 2-й пол. XX века в Италии. Говоря о достоверности, нужно помнить, что это достоверность особого рода: сообщение источника не всегда стоит понимать буквально, реальность в его отражении может приобретать какие-то легендарные, неправдоподобные черты, однако пласт достоверности сохраняется: иллюстрацией может служить как раз археологическое открытие — обнаружение в древнем городе Габии следов греческой культуры, что следует сопоставить с сообщением Дионисия о том, что Ромул и Рем именно в этом городе обучались греческой грамоте.

В самом начале своего произведения Дионисий говорит о том, что стремление к славе побудило его создать «Римские древности»: по сути, речь идёт о том, что слава творца исторических трудов увековечивается с помощью величия объекта, о котором он говорит. В этом смысле Рим, как величайшая из мировых держав, прекрасно подходит для Дионисия. Однако в стремлении к славе Дионисий, будучи ритором, не забывает о внешней стороне произведения — стиле, композиции и т. д., а также о содержательности и занимательности своего рассказа. Огромный плюс работы галикарнасца в его ориентации на максимально широкую читательскую аудиторию: он рассказывает и о политике, и о военных действиях римлян, не чуждается занимательных историй, значителен культурологический и даже этнологический компонент, ведь грекам, на которых в большей степени ориентируется автор, не очень ясны некоторые традиции римлян. Поэтому Дионисий там, где возможно, приводит и объяснения тех или иных аспектов римской культуры.

Затрагивая проблемы литературного творчества в других своих сочинениях, Дионисий проявил себя как тонкий эстет. Ему принадлежит учение о трёх стилях: строгом, изящном и среднем. Эта концепция была позже развита другими авторами и прочно вошла в обиход. «Римские древности» были написаны средним стилем: его Дионисий предпочитал остальным, им писал столь почитаемый Дионисием Демосфен. Элементом стиля в сочинении галикарнасца можно считать многочисленные речи, которые являются плодом работы самого Дионисия; это вменялось историками в вину автору, поскольку, по их мнению, ставило под сомнение ценность «Римских древностей» как исторического источника, однако скорее этот факт следует воспринимать как одну из особенностей риторического стиля автора, которую стоит учитывать.

В целом можно отметить, что Дионисию Галикарнасскому удалось добиться своей цели: его имя оказалось навсегда связано с величайшей из держав древности, а его работа стала одной из самых важных для историков Рима последующих веков.

А. А. КУДРЯВЦЕВА (МГУ им. М. В. Ломоносова)

**КАТОН СТАРШИЙ — УЧЕНЫЙ-АГРОНОМ,
ИСТОРИК, ИНТЕЛЛЕКТУАЛ**

Марк Порций Катон Старший — безусловно, одна из значимых фигур III–II в. до н. э. История сохранила для нас две его биографии, одна из которых написана Корнелием Непотом, а другая, наиболее подробная, содержится в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха.

Он родился в 234 г. в Tusculum в древнем, но малоизвестном роду (Plut. Cat. Mai. 1), а в Риме сделал головокружительную карьеру. С 17 лет он слу-

жил в армии, участвовал в войне против Ганнибала и ещё до её окончания получил должность квестора. В 199 г. получил в управление свою первую провинцию Сардиния, а уже в 195 г. стал консулом вместе со своим другом Валерием Флакком. По истечении магистратуры Катон отправился в Испанию в качестве наместника и проявил себя там крайне решительно. Сам про себя он любил говорить, что «взял в Испании больше городов, нежели провёл в ней дней» (Plut. Cat. Mai. 10). В 183 г. Катон решил домогаться цензуры и получил должность, обойдя на выборах семерых «заискивающих перед народом» соискателей (Plut. Cat. Mai. 16). В качестве цензора Катон выступал за добрые старые нравы [18, 98], боролся с изнеженностью и роскошью, что принесло ему множество врагов из знати и породило большое количество судебных тяжб.

Характер Катона был достаточно противоречив. Выступая за скромность в поведении и умеренность в жизни, он никогда не скупился на похвалу самому себе, усердно хлопотал о приумножении своего имущества и даже занимался ростовщицеством (Plut. Cat. Mai. 21); насмехаясь над теми, кто неумеренно почитал все греческое (Plut. Cat. Mai. 12), он в то же время совершенствовался в красноречии по Фукидиду и Демосфену и использовал в своих сочинениях примеры из греческой истории и философии (Plut. Cat. Mai. 2).

Из литературного наследия Катона до нас дошло немного. Единственный трактат, сохранившийся целиком, — «De agricultura» («О земледелии»), однако известно и о других его трудах. Так, Катон, по-видимому, был первым римлянином, записывающим свои речи, что объясняется его положением homo novus: не имевший именитых предков Катон мог представить только один «патент на благородство» — собственные заслуги [7, 439–440]. Другое известное его произведение, также обусловленное жизненными потребностями, — «Поучения для сына Марка» — своеобразный учебник по истории, написанный примерным отцом-Катоном для старшего сына. Вершиной деятельности Катона-литератора стали «Origines» («Начала») — глобальный исторический труд, положивший начало морализаторству римских историков. От последующих подобных работ он отличается отсутствием имён должностных лиц. Катон преследовал две цели: желание почтить народ в целом и не допустить прославления в своём труде ряда противостоящих ему древних родов. Несмотря на то что труды Катона немислимы без греческих образцов, его по праву называют родоначальником латинской прозы. На его работы опирались, им подражали многие последующие римские писатели и историки.

Единственный сохранившийся трактат Катона — «О земледелии» — вызывает у исследователей ряд вопросов, едва ли не главный из которых — является ли книга в дошедшем до нас виде подлинным трудом Цензора? Причиной ожесточённых баталий является форма подачи информации: «О земледелии» нельзя назвать энциклопедией домашнего хозяйства, это скорее сборник из 162 практических советов, расположенных порой в странном, нелогичном порядке. Ряд учёных предполагает вторую редакцию текста, «перепутавшую» главы; теория Э. Гаулера признаёт подлинность текста, но лишает его звания трактата — по мнению учёного, это не более чем «записная книжка» Катона, не имеющая общих идеи и плана. Наиболее состоятельной нам кажется версия отечественного исследователя М. Е. Сергеевко, объясняющая беспорядочность текста катоновской манерой письма и «зигзагообразным»

планом, позволяющим акцентировать внимание читателя на важных темах трактата путём постоянного возвращения к ним [17, 91–93].

Рассмотрим трактат подробнее. Во вступлении Катон заявляет, что быть названным «хорошим землевладельцем и хорошим хозяином» — наивысшая похвала (Cat. De Agr. 2–3). Далее он приводит 162 совета, как быть хорошим хозяином, затрагивая при этом самые разнообразные аспекты жизни поместья, начиная от устройства дома, сада и виноградника, заканчивая особенностями лечения волов. Результатом следования катоновским советам должно, очевидно, стать «идеальное поместье».

«Идеальное поместье» — стоюгерное «с самой разнообразной почвой, в самом лучшем месте», с виноградником, поливным огородом, ивняком, масличным садом, лугом, хлебной нивой, лесом и т. д. (Cat. De Agr. 1, 7), тем не менее, площадь, очевидно, условна: в дальнейшем в трактате упоминаются и большие числа: 120- или 240-югерный масличный сад (Cat. De Agr. 3, 7; Cat. De Agr. 10, 1), 100-югерный виноградник (Cat. De Agr. 11, 1) и др. Для каждого варианта приведены подробные расчёты, что подтверждает теорию М. Е. Сергеевко о круге соседей-читателей. При этом соседи-читатели одновременно являются и условными «соавторами»: так, в 152-й главе об изготовлении веников Катон пишет, что это «советы Манлиев» (Cat. De Agr. 152), однако подобное упоминание встречается в трактате один раз.

Поистине поражает глубина проработки ряда вопросов, например, изготовление вина и масла (описываются все этапы процесса от высадки растений до хранения и продажи готового продукта), автор постоянно к ним возвращается, перемежая пространные рекомендации краткими советами из других сфер. Менее важные для Катона темы даны чаще всего однократно и мимоходом, что, тем не менее, не умаляет их ценности для читателя.

Итогом подробного изучения трактата Катона становится гораздо более глубокое понимание устройства римского хозяйства и, возможно, создание условной схемы идеального катоновского поместья.

А. И. ЧЕРНЫХ (РГГУ)

СИДОНИЙ АПОЛЛИНАРИЙ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

Следует отметить, что проблема определения самого понятия «интеллектуал» была и остаётся одной из наиболее дискуссионных в современной гуманитарной мысли; по крайней мере, одни гуманитарные науки предлагают свои определения этого понятия, а другие предпочитают оставлять это понятие фигурой умолчания. Однако, кажется, на данный момент не вызывает сомнений, что интеллектуал — это человек, использующий интеллект в своей работе, которая, по его убеждению, имеет культурное значение. Ввиду этого положение интеллектуала в социальной структуре того или иного общества всегда вызывает интерес исследователей, в т. ч. и с точки зрения тех изменений, которые происходили с этой самой социальной структурой в исторической динамике.

Более того, по мнению Л. П. Репиной [16, 269–270], наиболее актуальным полем для современных историков представляются рубежные эпохи, во время которых происходят коренные ломки традиционных устоев, наблюдаются наиболее глубинные трансформации, которые со всей ясностью «обнажа-